

СОБЫТИЯ В МЬЯНМЕ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КРУПНЫХ ДЕРЖАВ В РЕГИОНЕ

Круглый стол Центра комплексного китаеведения и региональных проектов и Центра АСЕАН МГИМО

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 марта 2021 <i>Принята к печати:</i> 7 июня 2021 e-mail: sravnitpolit@mail.ru	Аннотация: Публикация представляет собой журнальный вариант научно-аналитического материала круглого стола Центра комплексного китаеведения и региональных проектов (ЦККиРП) и Центра АСЕАН МГИМО. В работе круглого стола приняли участие научные сотрудники ЦККиРП, Центра АСЕАН, МИД России, ИМЭМО РАН, ИДВ РАН, ИВ РАН, РИСИ, ИСАА МГУ, РУДН, Общества Дружбы и Сотрудничества с Республикой Мьянма, РСМД, ПИР-Центра. В научно-аналитическом материале раскрываются вопросы причин и возможных последствий политического переворота в Мьянме 1 февраля 2021 для политического, военно-политического, социально-экономического развития страны, анализируются линии расколов в мьянманском обществе, оценивается возможность воздействия общества на государство. Рассматриваются интересы Китая, Индии, Японии, США, стран АСЕАН, анализируется роль событий Мьянмы в региональной системе взаимоотношений и в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Анализируется роль других значимых игроков в регионе, а также значение событий в Мьянме для России.
Ключевые слова: Мьянма; политический переворот; Китай; США; Индия; Япония; АСЕАН; региональная система отношений	

Круглый стол прошел 15 марта 2021 г. в МГИМО под руководством директора Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО профессора А.Д. Воскресенского и директора Центра АСЕАН д.и.н. В.В. Сумского. В работе приняли участие научные сотрудники ЦККиРП, Центр АСЕАН, МИД России, ИМЭМО РАН, ИДВ РАН, ИВ РАН, РИСИ, ИСАА МГУ, РУДН, Общества Дружбы и Сотрудничества с Республикой Мьянма, РСМД, ПИР-Центра.

Обсуждаемые вопросы:

1. Что произошло в Мьянме 1 февраля 2021 г.? Насколько эти события можно/нельзя считать военным переворотом? Каковы их причины и возможные последствия для политического и экономического развития Мьянмы в ближайшей перспективе?
2. Какие линии расколов в мьянманском обществе не были преодолены за период нахождения у власти гражданских правительств, какие из них усилились? Возможно ли воздействие общества на государство?
3. Последствия переворота для политического и экономического развития Мьянмы, Каковы интересы и политика Индии по отношению к Мьянме в контексте ее Индо-Тихоокеанской стратегии? Какова роль индийско-мьянманских отношений в региональной системе взаимоотношений и в Восточной и Южной Азии? Какую роль готова сыграть Индия в урегулировании сложившейся ситуации?
4. Положения страны в регионе: из чего исходят негативные и умеренные сценарии?
5. Как ситуация в Мьянме вписывается в региональный контекст политического развития стран АСЕАН? Какова реакция государств ЮВА на события в Мьянме?

6. Каким образом можно охарактеризовать отношения Мьянмы с Китаем во время нахождения у власти правительства Национальной лиги за демократию? Насколько Мьянма была вовлечена в проекты по реализации Инициативы пояса и пути и какого прогресса удалось достигнуть за это время? Какие вызовы возникли перед Мьянмой в этой связи? Что будет дальше?

7. Насколько развиты связи Японии и Мьянмы, и как разворачивается конкуренция между Японией и Китаем за экономические проекты? Как Япония отреагировала на мьянманские события? Какой реакции можно ожидать в случае усугубления кризиса?

8. Какова роль других значимых игроков? (АСЕАН, Р. Корея, США) Что события в Мьянме означают для России?

* * *

К.А. Ефремова, к.полит.н., доцент, н.с. Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО. 1 февраля 2021 г. в Нейпидо произошло то, что агентство «Синьхуа» деликатно назвало «крупными перестановками в кабинете министров»: законно избранный президент У Вин Мьин и государственный советник До Аун Сан Су Чжи были арестованы, а первый вице-президент

У Мьян Схвей ввёл в стране чрезвычайное положение сроком на один год, передав всю полноту власти верховному главнокомандующему вооружёнными силами Мьянмы, старшему генералу Мин Аун Хлайну. Эти события, безусловно, нельзя назвать «классическим» военным переворотом, поскольку они проходили в формальном соответствии с конституцией страны — но, по сути, это было отстранение действующего главы государства от власти военными.

Почему для этого было выбрано именно 1 февраля? Дело в том, что в этот день должно было состояться инаугурационное заседание Союзного парламента третьего созыва, на котором избранные в ноябре прошлого года депутаты должны были быть приведены к присяге. Напомним, что по результатам этих выборов убедительную победу одержала правящая Национальная лига за демократию (НЛД), председателем которой является До Аун Сан Су Чжи. Проармейская оппозиция настаивала, что результаты выборов были подтасованы союзным избиркомом, назначенным правящей партией, и требовала пересчёта голосов либо проведения повторных выборов. Но ей было отказано.

На следующий же день после объявления режима чрезвычайного положения, 2 февраля, старший генерал Мин Аун Хлайн сформировал новый правящий орган — Государственный административный совет, куда включил не только военных, но и гражданских лиц (в том числе, представителей крупных этнических партий). Госсовет произвёл значительные кадровые перестановки в правительстве и на местах. В ответ на это, 5 февраля избранные депутаты от НЛД создали Комитет, представляющий Союзный парламент, и начали выстраивать параллельные властные структуры, назначая собственных министров из числа представителей мьянманской элиты, участвующих в Движении гражданского неповиновения.

Таким образом, в ближайшей перспективе действующему правительству придётся преодолевать серьёзный кризис легитимности, который уже начал негативно сказываться на экономике страны: масштабные забастовки рабочих и служащих, бойкот товаров и услуг армейских корпораций вкупе с продолжающимися уличными протестами вынуждают зарубежных партнёров и инвесторов уходить из Мьянмы и искать другие места для приложения своего капитала.

Мьянма — глубоко расколотое общество. Самые серьёзные линии раскола проходят между армией (Тамадо) и сторонниками До Аун Сан Су Чжи, а также между титульной нацией — бирманцами и представителями этноконфессиональных меньшинств. Обострение этих противоречий в связи с февральскими событиями привело к появлению Движения гражданского неповиновения (Civil Disobedience Movement), известного также под аббревиатурой CDM, которое быстро превратилось в довольно мощную политическую силу.

Костяк CDM составляет либеральная городская интеллигенция: врачи, учителя, офисные и банков-

ские работники, госслужащие. Его участники призывают сограждан ко всеобщей забастовке и дезорганизации системы государственного управления, что, по их мнению, заставит нынешнюю (с их точки зрения, нелегитимную) администрацию отказаться от идеи проведения повторных выборов и вернуть власть свергнутому правительству НЛД. Кроме того, наиболее радикальные активисты выступают за введение в Мьянму миротворческих сил ООН в соответствии с международно-признанными принципами «обязанности защищать» (*Responsibility to Protect, R2P*).

«Боевым крылом» CDM являются молодые сторонники уличного сопротивления, координирующие свои действия через социальные сети с аналогичными молодёжными движениями в Таиланде, Индии, Гонконге и на Тайване. Это интернациональное объединение, известное как Альянс любителей чая с молоком (*Milk Tea Alliance*), проводит антиправительственные выступления под продемократическими лозунгами, обменивается накопленным опытом и т.п. Так, например, сейчас в интернете легко можно найти инструкции по организации массовых протестов в городских условиях, составленные участниками гонконгских событий 2019 г., в переводе на бирманский язык.

Таким образом, в Мьянме происходит постепенная самоорганизация гражданского общества (пусть и не без поддержки извне), в ходе которой могут выдвинуться новые, молодые лидеры, готовые занять политическую нишу, которая частично освободилась после ареста До Аун Сан Су Чжи. Можно, безусловно, говорить о том, что в Мьянме формируются новые каналы политического давления и влияния общества на государство.

Сейчас, на мой взгляд, все возможные сценарии развития событий должны исходить из того, сумеют ли военные удержать власть. Если они сумеют подавить уличные протесты, пресечь деятельность политической верхушки Движения гражданского неповиновения (в первую очередь — лидеров самопровозглашённого Комитета, представляющего Союзный парламент) и стабилизировать ситуацию в стране до такой степени, чтобы в неё вернулись иностранные инвесторы (хотя бы из азиатских стран), то экономика постепенно начнёт восстанавливаться, и будут созданы предпосылки для проведения новых парламентских выборов.

Скорее всего, военные изменят избирательную систему, отказавшись от принципа *First Past the Post* («первый получает всё»), который обеспечил бывшей правящей партии очередную победу в ноябре 2020 года, в пользу более инклюзивной пропорциональной системы с сохранением 25%-ной квоты для депутатов от Тамадо. Вероятность того, что они освободят государственного советника До Аун Сан Су Чжи, как этого требует мировое сообщество, крайне невелика, учитывая тяжесть предъявленных ей обвинений в коррупции и государственной измене.

Если военные изолируют лидера Национальной лиги за демократию (НЛД) и найдут благовидный предлог, чтобы не допустить саму эту партию до уча-

ствия в парламентских выборах (как это было сделано в 2010 г.), то в результате мы увидим очередное квазигражданское правительство, сформированное военными и реализующее их политическую программу. Если же Тамадо не сумеет удержать власть (будь то вследствие внутреннего раскола на враждующие фракции или вооружённого вмешательства извне, на которое надеются их политические соперники), то мьянманское общество окажется перед тяжёлым выбором между анархией и внешним управлением.

Но даже если события пойдут по относительно благоприятному сценарию и враждующие сторонам удастся достичь компромисса без вмешательства внешних сил, вернуть ситуацию в прежнее русло уже не получится. До Аун Сан Су Чжи (которой в прошлом году исполнилось 75 лет), выйдя из-под ареста, вряд ли сможет вернуть себе реальные властные полномочия и консолидировать расколотую страну. Скорее всего, она превратится в символ победы продемократических сил, из среды которых к тому времени выдвинутся новые, молодые и амбициозные лидеры, ориентирующиеся на США и страны ЕС, которые и займут ведущие позиции на переговорах с Тамадо (если такие переговоры вообще когда-либо состоятся).

Мьянманские события, по сути, мало чем отличаются от государственного переворота в Камбодже 1999 г. или военных переворотов в Таиланде 2006 и 2014 гг. Это вполне характерный для стран Юго-Восточной Азии способ политической борьбы, применяющийся тогда, когда все остальные доступные одной из сторон конфликта аргументы уже исчерпаны. Однако в случае с Мьянмой, занимающей стратегически важное геополитическое положение, ситуация осложняется высокой степенью вовлечённости внешних игроков – в первую очередь, Китая, усиления влияния которого опасаются страны АСЕАН, и США, оказывающих на АСЕАН непрерывное давление по мьянманскому вопросу.

Внутри самой АСЕАН, несмотря на исповедуемый ею принцип невмешательства во внутренние дела друг друга, также звучат голоса о необходимости приостановить членство Мьянмы в Ассоциации до тех пор, пока политический кризис не будет разрешён и военные не вернутся в казармы. Отсутствие единого мнения о сложившейся в этой стране ситуации не позволило АСЕАН выступить с совместным заявлением по итогам специального совещания министров иностранных дел Ассоциации, состоявшегося 2 марта. В заявлении государства-председателя, с которым выступил Бруней-Даруссалам, содержится призыв ко всем сторонам мьянманского конфликта прекратить насилие и сесть за стол переговоров. Но, насколько этот призыв реально может быть услышан в условиях жёсткого принципиального противостояния различных политических сил, очевидно, не готовых к компромиссу, остаётся неизвестным.

Китайско-мьянманские отношения «всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства», установленные 27 мая 2011 г., ещё при президенте У Тейн Сейне, получили новый импульс с приходом к власти До Аун Сан Су Чжи и её партии.

В период правления НЛД китайские официальные лица неизменно называли китайско-мьянманские отношения «братскими» (паупхо), подчёркивая их доверительный характер. Именно в этот период состоялось подписание меморандума о создании экономического коридора Китай-Мьянма (сентябрь 2018), за которым последовал исторический визит Си Цзиньпина в Нейпидо (январь 2020) – первый визит такого уровня за последние 19 лет.

Пекинские стратеги уделяют Мьянме важное место в реализации инициативы «Один пояс, один путь». Через её территорию проходят нефтепровод и газопровод, соединяющие терминалы в Чаупхью (Ракхайнская национальная область) с нефтеперерабатывающим заводом в Аньнине (провинция Юньнань) и с газораспределительной станцией в Гуйгане (Гуанси-Чжуанский автономный район). Мьянманско-китайский газопровод был официально введен в эксплуатацию в июле 2013 г. а, а нефтепровод – в июне 2017 г. В рамках проекта экономического коридора Китай-Мьянма планируется также построить железную дорогу и магистральную автодорогу вдоль уже действующих трубопроводов.

Однако реализация китайских инвестиционных проектов на территории Мьянмы находится сейчас под угрозой из-за масштабной кампании по бойкоту китайских товаров и услуг, развернувшейся в крупных городах Мьянмы в связи с отказом КНР поддержать в Совбезе ООН проект резолюции, осуждающий действия мьянманских военных.

Не обошлось и без провокаций: по сообщениям местных СМИ, 14 марта 2021 г. неизвестные разграбили и подожгли несколько фабрик по производству одежды и обуви, принадлежавших китайским и тайваньским бизнесменам, в промышленной зоне Хлайнтая на западной окраине Янгона. Пекин в достаточно резкой форме потребовал от мьянманских властей навести порядок и обеспечить безопасность китайских граждан и их собственности. Это заявление было воспринято мьянманской общественностью как фактическое одобрение Китаем жёстких действий полиции по отношению к протестующим.

Вместе с тем, говорить о каком-либо дальнейшем китайско-мьянманском сближении в сложившейся ситуации было бы некорректным. Нынешний глава Мьянмы, старший генерал Мин Аун Хлайн, известен своим настороженным отношением к Китаю, который он неоднократно обвинял в негласной поддержке качинских и шанских сепаратистов. Очевидно, он и далее будет использовать тактику лавирования между Китаем, Россией, Индией и Японией с целью диверсифицировать источники внешней помощи и хеджировать политические риски, которые стоят сегодня перед Мьянмой.

В силу своего геополитического положения Мьянма является для Индии естественными «воротами» в Юго-Восточную Азию, куда нацелен приоритетный вектор индийской внешней политики в рамках провозглашённой в августе 2014 г. премьер-министром Нарендрой Модии политики «Действуй на Востоке» (*Act East Policy*). По территории Мьянмы планируется провести Каладанский мультимодальный коридор.

дальний транзитный транспортный коридор, который свяжет Анджал, столицу индийского штата Мизорам, со столицей Ракхайнской национальной области Мьянмы, городом-портом Ситвей. Таким образом Индия планирует оживить экономику своих депрессивных северо-восточных штатов, обеспечив их непосредственным выходом к морю.

Данный проект планировалось завершить ещё в 2014 г., однако сроки его осуществления постоянно переносились из-за сложной политической обстановки в Чинской и Ракхайнской национальных областях. В частности, на пути этого маршрута действуют боевые группировки Араканской армии, выступающей за самоопределение этнических ракхайнцев (образована в апреле 2009 г. на территории Качинской национальной области). Можно предположить, что такой расклад выгоден Китаю и в той или иной степени поддерживается им. Потенциально это может привести к обострению китайско-индийского соперничества, от которого пострадает не только Мьянма, но и другие страны АСЕАН.

Другим значимым совместным проектом является строительство автострды Индия-Мьянма-Таиланд, начинающейся в индийском Морехе, проходящей через мьянманские Мандалай, Нейпидо и Татон, и заканчивающейся в тайландском Мэсоте. Этот проект был анонсирован ещё в апреле 2002 года, и на данный момент практически завершён. Далее, Индия в сотрудничестве с АСЕАН рассчитывает продолжить эту автомагистраль, связав Мьянму и Таиланд с Лаосом, Камбоджей и Вьетнамом.

Таким образом, у Индии есть непосредственные экономические интересы и инфраструктурные проекты на территории Мьянмы, куда индийской стороной уже были вложены значительные финансовые средства. Поэтому Нью-Дели не спешит осуждать пришедших к власти в Нейпидо генералов, рассчитывая на продолжение двустороннего сотрудничества.

Мьянму и Японии связывают долгие и довольно сложные отношения, в которых Нейпидо и Токио предпочитают акцентировать преимущественно позитивные стороны. Япония участвует в мьянманском общенациональном мирном процессе в качестве донора (чем вызывает глубокое неудовольствие Китая), а также выделяет значительные средства по линии Японского агентства международного сотрудничества на реконструкцию железной дороги Янгон-Нейпидо-Мандалай. В силу этой заинтересованности Япония заняла весьма сдержанную позицию в отношении смены власти в Нейпидо и, по всей видимости, будет стараться придерживаться именно её.

В отличие от Индии, Японии и Китая, у России нет существенных интересов в Мьянме, кроме военно-технического сотрудничества. Безусловно, оно будет продолжено; однако исполнение уже заключённых контрактов на поставку российских вооружений в Мьянму (и уж тем более заключение новых) может вызвать негативную реакцию у целого ряда стран региона, обеспокоенных ситуацией с нарушением прав человека, допускаемых мьянманскими военными (а точнее, реакцией на эту ситуацию

влиятельных партнёров АСЕАН по диалогу – США, ЕС, Австралии и др.). Таким образом, в случае продолжения сотрудничества с нынешним правительством страны в военной сфере, Россия рискует не только своей международной репутацией, но и своими отношениями с АСЕАН как ведущей региональной организацией. С другой стороны, доверительные отношения, сложившиеся между главкомом Тамадо и российским министром обороны, могут позволить России, наряду со странами АСЕАН, выступить в качестве международного посредника, содействующего процессу мирного урегулирования внутримьянманского политического кризиса.

А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. События в Мьянме проверяют на прочность новую политику Китая в отношении этой страны. В январе 2020 г. в ходе визита в Мьянму китайский лидер Си Цзиньпин сделал акцент на близости интересов двух народов и позитивных исторических воспоминаниях. На первое место вышло провозглашение новых стратегических лозунгов, а не новых экономических проектов.

Си Цзиньпин заявил, что договорился с руководством Мьянмы о совместном строительстве «китайско-мьянманского сообщества судьбы». Это производная от основополагающего для современной внешнеполитической идеологии КНР лозунга «строительства сообщества судьбы человечества». В данной оболочке двусторонние экономические проекты превращаются компонент долгосрочного всестороннего плана развития сотрудничества.

Одновременно Си Цзиньпин провозгласил наступление «новой эпохи китайско-мьянманских отношений». Изначально концепция «новой эпохи» появилась как обозначение нового периода в развитии КНР, нацеленного на обретение могущества и международного влияния. Со временем она вошла в лексикон китайской внешней политики для указания на качественное повышение уровня сотрудничества с партнёром (о наступлении «новой эпохи» в российско-китайских отношениях было объявлено в июне 2019 г.). В выступлении на праздновании 70-летия установления дипломатических отношений двух стран и церемонии открытия Года культуры и туризма Китая и Мьянмы Си Цзиньпин заявил, что 2020 г. будет очень важным для каждой из стран и для их отношений: Китай собирается завершить строительство общества «малой зажиточности» (сяокан) и провести решающее сражение в борьбе с бедностью, «Мьянма проведет новые выборы, развитие государства войдет в новую эпоху». Однако в итоге выборы привели страну к серьезным потрясениям и возвращению к форме правления, позавидованной из «старой эпохи».

Редакционный комментарий «Жэньминь жибао» по итогам визита отмечал, что в беседах с руководством Мьянмы Си Цзиньпин «неоднократно подчеркивал братские чувства Китая и Бирмы». Следует пояснить, что фонетическое заимствование бирманского *Pauk-Phaw* (кит. *naobo* 胞波) стало в

политическом лексиконе КНР устойчивым и узнаваемым обозначением давних «братских чувств» двух народов. Лишь после этого было сказано о «стыковке» инициативы «пояса и пути» со стратегией развития Мьянмы, а также о разговорах Си Цзиньпина с мьянманским руководством о продвижении «высококачественного совместного строительства пояса и пути». Комментарий указывал, что экономический коридор Китай-Мьянма «от идеи и плана переходит к практическому осуществлению». При характеристике трех приоритетных проектов (СЭЗ Кьяукпыю, приграничный район экономического сотрудничества, инфраструктура в Янгоне) было отмечено, что коридор, который «на севере начинается от китайской Юньнани, проходит к югу от границы в Мандалай, а потом разделяется в Янгон и Кьяукпыю» – это напоминающая китайский иероглиф «человек» (*жэнь* 人) схема «большого сотрудничества», в которой «сосуд на трех ногах стоит прочно» и которая «скоро станет явью»¹.

События февраля-марта 2021 г. продемонстрировали неустойчивость «сосуда» и проблематичность быстрого осуществления заявленных планов. Много будет зависеть от развития внутривнутриполитической ситуации в Мьянме и от готовности военных продолжить сотрудничество с Китаем на том уровне, на который оно вышло в годы правления НЛД. На встрече с Си Цзиньпином в январе 2020 г. Мин Аун Хлайн говорил, что провозглашение гостем строительства сообщества судьбы двух стран имело «историческое значение», что мьянманская сторона радуется огромным успехам в развитии Китая, благодарит китайскую сторону за долгосрочную поддержку социально-экономического развития Мьянмы и строительства национальной обороны, искренне надеется изучить успешный опыт развития Китая, осуществить в государстве Мьянма мир и развитие. Он заявил о приверженности мьянманской армии принципу «одного Китая», назвав проблемы Гонконга и Синьцзяна полностью внутренними делами Китая, в которые не должны вмешиваться иностранцы. «Я во время пребывания в должности буду продолжать всеми силами укреплять братские чувства Мьянмы и Китая и отношения двух армий, активно поддерживать совместное строительство «пояса и пути» и мьянмано-китайского экономического коридора, активно продвигать строительство мьянмано-китайского сообщества судьбы»².

В январе 2021 г. в беседе с Мин Аун Хлайном глава МИД КНР Ван И похвалил мьянманскую

армию за то, что она «ставит своей целью национальное возрождение» и «в долгосрочной перспективе думает о будущем развитии государства», привержена укреплению дружбы с Китаем. Ван И выразил надежду на продолжение поддержки военными строительства экономического коридора Китай-Мьянма после создания по итогам выборов нового правительства. В ответ Мин Аун Хлайн поблагодарил Китай за помощь в борьбе с эпидемией коронавируса, отметив, что мьянманская армия выступает за ускорение строительства экономического коридора и «готова общаться с китайской стороной по вопросам защиты стабильности государства, содействия экономическому развитию и укреплению общественной сплоченности»³.

Эти заверения, опубликованные в Китае, характеризуют военное руководство Мьянмы как сторонников развития сотрудничества. Если эта позиция действительно была пересмотрена, следует признать, что предполагаемое недовольство Китаем мьянманские военные скрывали глубоко и тщательно.

Подход Китая к переменам Мьянме глава МИД КНР изложил на пресс-конференции 7 марта 2021 г. Он отметил, что мир и стабильность являются предпосылками развития Мьянмы, поэтому всем сторонам следует сохранять хладнокровие и сдержанность, решать противоречия путем диалога и консультаций. Неотложной задачей министр назвал предотвращение новых кровопролитных стычек и снижение напряженности. Примечательным стало указание на необходимость «продолжать осуществлять внутри страны процесс демократического перехода», которое можно истолковать как неприятие Пекином перспективы долгосрочного военного правления в Мьянме.

Ван И напомнил, что Мьянма является членом «большой семьи АСЕАН». Китай поддерживает принцип невмешательства во внутренние дела и поиска консенсуса через обсуждение, но при этом готов на основе принципа уважения суверенитета Мьянмы и желания народа «войти в контакт со всеми сторонами, сыграть конструктивную роль в смягчении напряженной ситуации».

В заключение глава китайской дипломатии напомнил о братстве (*Pauk-Phaw*) двух стран и общности их судеб, подчеркнув, что дружественная политика КНР обращена ко всему народу Мьянмы. Он подчеркнул, что в Мьянме китайская сторона имеет «длительные дружественные обмены со всеми политическими партиями и течениями, включая НЛД». Это пояснение заслуживает внимания и может быть истолковано как заявка на сохранение связей с НЛД после произошедших политических

¹ Жэнь Хуаньюй. Сешоу гоуцзянь Чжун Мянъ миньюнь гунтунти (Взявшись за руки строить китайско-мьянманское сообщество судьбы) // *Жэньминь жибао*. 19.01.2020. [Ren Huanyu. Xieshou goujian Zhong Mian mingyun gongtongti (Join hands to build a China-Myanmar community with a shared future)] // *Renmin ribao*. 19.01.2020]

² Си Цзиньпин хуйцзянь Мянъдянь гофанцзюнь цзунсылин Мин Ан Лай (Си Цзиньпин встретился с главнокомандующим Национальными силами обороны Мьянмы Мин Аун Хлайном) // *Жэньминь жибао*. 19.01.2020. [Xi Jinping huijian Miandian guofangjun zongsiling Min Ang Lai (Xi Jinping meets with the commander-in-chief of the Myanmar National Defense Forces Min Aung Hlaing)] // *Renmin ribao*. 19.01.2020]

³ Ван И хуйцзянь Мянъдянь гофанцзюнь цзунсылин Мин Ан Лай (Ван И встретился с главнокомандующим Национальными силами обороны Мьянмы Мин Аун Хлайном) // *Вайцзяобу*. 12.01.2021. Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1845814.shtml> [Wang Yi huijian Miandian guofangjun zongsiling Min Ang Lai (Wang Yi meets with the commander-in-chief of the Myanmar National Defense Forces Min Aung Hlaing)] // *Waijiaobu*. 12.01.2021. Mode of access: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1845814.shtml>]

изменений. Китай демонстрирует решимость развивать сотрудничество с Мьянмой вне зависимости от происходящих там перемен. Однако оптимистичный китайский тезис о том, что «дружба с Китаем от начала и до конца является консенсусом всех кругов мьянманского общества», подвергся серьезному испытанию во время нападений на китайские производственные предприятия в Мьянме в середине марта 2021 г.

Г.А. Сизов Г.А., эксперт РИСИ. После прихода Аун Сан Су Чжи и Национальной лиги за демократию к руководству Мьянмой в 2016 г. Пекин и Нейпидо значительным образом нарастили экономические⁴ и политические контакты. Мьянманское руководство одобрило реализацию Китайско-мьянманского экономического коридора (КМЭК)⁵ в качестве одного из ключевых направлений взаимодействия с КНР, была сформирована концептуальная основа данной инициативы. Вместе с тем Мьянма продолжила проводить осторожную политику по отношению к Китаю и стремиться уравновесить его влияние за счет расширения сотрудничества с другими странами (Японией, Индией, Таиландом и др.). Строительство КМЭК буксует уже несколько лет и остается на этапе концептуального планирования. В рамках экономического коридора Китай предложил Мьянме 38 проектов, однако Нейпидо одобрил лишь девять из них. Основными элементами Китайско-мьянманского экономического коридора в настоящее время являются следующие инфраструктурные объекты: глубоководный порт Чаупхью на острове Мадэй (1,3 млрд долл.)⁶ и соответствующая особая экономическая зона (ОЭЗ), ж/д Чаупхью – Куньмин⁷ (около 20 млрд долл., в

будущем данная магистраль, по оценкам китайских экспертов, будет функционировать «в синергии с китайско-лаосской и китайско-тайской железными дорогами»), три приграничных ОЭЗ в мьянманских городах Канпикети (штат Качин), Мусе (штат Шан) и Чиншвехо (район Кокан штата Шан), проект столичного строительства «Новый Янгон»⁸, а также функционирующие газо- (с 2013 г.) и нефтепровод (с 2017 г.) Чаупхью – Куньмин. В 2019 г. по ним из Мьянмы в КНР было доставлено 10,8 млн т сырой нефти и 3,4 млн т сжиженного природного газа.

Отсутствие заметного прогресса по основным объектам Китайско-мьянманского экономического коридора во многом обусловлено стремлением Нейпидо избежать чрезмерной экономической зависимости от Пекина, что выразилось в торможении и пересмотре ранее одобренных проектов. Кроме того, негативное влияние на продвижение КМЭК оказывает сопротивление местных общин, военные действия (в штате Ракхайн и на севере страны), а также экономические трудности, вызванные пандемией COVID-19. Все это вызывает недовольство у руководства КНР, которое всеми силами стремится возобновить реализацию экономического коридора. Так, к примеру, в ходе государственного визита в Мьянму в январе 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин прямо призвал Нейпидо перейти к «ориентированному на результат сотрудничеству» и «конкретному планированию и реализации» проектов экономического коридора⁹. Спустя год, во время поездки министра иностранных дел КНР Ван И в Мьянму в январе 2021 г., была зафиксирована договоренность о том, что страны подпишут «План действий по созданию сообщества единой судьбы между Китаем и Мьянмой» и ускорят реализацию трех «столпов» Китайско-мьянманского экономического коридора (порт и ОЭЗ Чаупхью, «Новый Янгон» и приграничные зоны экономического сотрудничества). Китайская сторона также заявила, что активно рассматривает возможность предостав-

⁴ На Китай приходится около четверти всех иностранных капиталовложений в Мьянму (свыше 14 млрд долл. США) и порядка 40% (4 млрд долл.) внешнего долга страны. В 2019/2020 финансовом году торговый оборот между Китаем и Мьянмой достиг 12 млрд долл. (профицит 1,3 млрд долл. в пользу КНР). По официальной информации, объем одобренных китайских инвестиций в Мьянму на начало 2020 г. составил 21 млрд долл. См.: Foreign investment of permitted enterprises as of (31/3/2020) // Myanmar Investment Commission's Directorate of Investment and Company Administration. Mode of access: https://dica.gov.mm/sites/dica.gov.mm/files/document-files/bycountry_9.pdf

⁵ Китайско-мьянманский экономический коридор призван создать транспортную магистраль от китайской провинции Юньнань до мьянманского порта Чаупхью (штат Ракхайн) на берегу Бенгальского залива в обход стратегически уязвимого Малаккского пролива, через который проходит большая часть внешней торговли КНР.

⁶ В 2018 г. стоимость проекта была уменьшена с 7,5 млрд долл. до 1,3 млрд долл., а доля китайской стороны (в лице CITIC Group) была сокращена с 85 до 70 %. При этом работы по строительству портовой инфраструктуры продвигаются крайне медленно. Лишь в августе 2020 г. Китай добился согласия от мьянманских властей на создание совместного предприятия для развития порта и особой экономической зоны. См.: China's Strategic Port Project Moves Step Closer to Reality as Myanmar OKs Joint Venture // *The Irrawaddy*. 10.08.2020. Mode of access: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/chinas-strategic-port-project-moves-step-closer-reality-myanmar-oks-joint-venture.html>

⁷ В начале января 2021 г. КНР и Мьянма подписали меморандум о взаимопонимании по проведению технико-экономической оценки на участке Мандалай – Чаупхью длиной

650 км. При этом аналогичные работы на участке Мандалай – Мусе уже были завершены. См.: Mandalay-Kyaukpheung railway to create economic benefits for China and Myanmar // *Global Times*. 11.01.2021. Mode of access: <https://www.globaltimes.cn/page/202101/1212455.shtml>

⁸ В сентябре 2020 г. власти страны подтвердили свое намерение привлечь разных подрядчиков к процедуре государственных закупок по данному проекту. При этом его стоимость была уменьшена с 1,5 млрд до 800 млн долл. В июле 2020 г. В ноябре 2020 г. стало известно, что China Communications Construction Company будет конкурировать с девятью другими компаниями (в т. ч. из Индии, Сингапура, Франции и Тайваня) в ходе реализации проекта. Myanmar Moves Step Closer to New Bids on China-backed Belt and Road Project // *Bangkok Post*. 09.09.2020. Mode of access: <https://www.bangkokpost.com/business/1982571/myanmar-moves-step-closer-to-new-bids-on-china-backed-belt-and-road-project>

⁹ В Китае данное событие рассматривалось как знаковое, поскольку последний раз председатель КНР (тогда это был Цзянь Цзиньмин) совершал подобный визит лишь в конце 2000 г. Xi Jinping Calls for 'Concrete Planning and Implementation' of Chinese Projects Ahead of Myanmar Visit // *The Irrawaddy*. 16.01.2020. Mode of access: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/xi-jinping-calls-concrete-planning-implementation-chinese-projects-ahead-myanmar-visit.html>

ления Нейпидо льготного кредита и другой поддержки в контексте сотрудничества по совместным проектам¹⁰.

Для создания гарантий дальнейшего продвижения Китайско-мьянманского экономического коридора руководство КНР, судя по всему, будет стараться сохранить накопленный ранее политический капитал в Мьянме, прямо не вмешиваясь в противоборство между военными и Национальной лигой за демократию, а также оказывая Нейпидо поддержку на международном уровне. Вместе с тем возникшая в результате военного переворота социально-политическая нестабильность, неопределенность по вопросу мирного процесса между центральным правительством и вооруженными этническими группировками¹¹, а также рост антикитайских настроений и международной изоляции Нейпидо – все эти факторы будут тормозить реализацию КМЭК. В этой связи КНР, скорее всего, будет осторожно относиться к расширению экономического сотрудничества с Мьянмой. Военные круги в Нейпидо, вероятно, также не пойдут на чрезмерное увеличение своей экономической зависимости от Пекина, поскольку это будет провоцировать усиление антикитайских выступлений в обществе. Однако, несмотря на сложившуюся негативную ситуацию, руководство Китая вряд ли перестанет рассматривать Мьянму в качестве одного из ключевых звеньев инициативы «Пояс и путь».

А.А. Киреева, к.полит.н., доцент, н.с. Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России. Отношения Японии и Мьянмы характеризуются достаточно тесными историческими связями, включающими в себя поддержку Японии Бирмой во время войны на Тихом океане. Отношения двух стран характеризуются как «исторически дружественные», при этом и генерал Аун Сан и его дочь государственный советник Мьянмы Аун Сан Су Чжи имели хорошие связи с Японией. После начала процесса демократизации Мьянмы в 2011 г. Япония стала наращивать свои позиции как путем усиления политических контактов, так и с помощью расширения экономических инвестиций. Стремление японского правительства

способствовать интернационализации и экономической модернизации «последнего фронта» Юго-Восточной Азии было связано с целым рядом политических и экономических факторов, в особенности с конкуренцией с Китаем и стремлением не допустить его доминирования¹².

При увеличении присутствия и расширении экономических контактов Японии традиционно руководствовалась политикой невмешательства во внутренние дела Мьянмы. В частности, японское правительство не принимало санкций в отношении Мьянмы (в ответ на кризис вокруг рохинджа или военный переворот 2021 г.) для того, чтобы они не мешали развитию отношений, продолжая осуществлять прагматическое сотрудничество. В отношении рохинджа считалось, что санкционные меры только приведут к ухудшению ситуации и ничего не дадут Японии. Одновременно с этим, она предоставляла гранты на решение социально-экономических проблем в штате Ракхайн и на решение проблемы беженцев-рохинджа¹³.

1 февраля 2021 г. в связи с событиями в Мьянме было выпущено заявление Министра иностранных дел Японии Мотэги Тосимицу, в котором он выразил озабоченность политической ситуацией, охарактеризовал произошедшие события как подрыв демократии, потребовал отпустить политических заключенных, включая Аун Сан Су Чжи, выразил поддержку процессу демократизации в Мьянме, выступил против любых действий, которые идут в разрез с этим процессом и призвал в кратчайшие сроки восстановить демократическое правление¹⁴. Как отмечается, в отличие от ряда других мировых лидеров, премьер-министр Японии Суга Ёсихидэ длительное время не делал никаких заявлений в отношении Мьянмы, а 8 марта Посол Японии в Мьянме провел встречу с министром иностранных дел уже военного правительства. Помимо этого, после встречи японское правительство объявило о выделении гранта в размере 11 миллионов долларов для беженцев-рохинджа через международные организации. Подобные действия связаны со стремлением Японии сохранить канал диалога с мьянманским правительством вне зависимости от того, кто его возглавляет¹⁵. Следует отметить, что политика Японии вызывает противоречивую реакцию и критику со стороны представителей либерального спектра. На четырехсторонней встрече лидеров Японии, США, Индии и Австралии (*Quad*) 13 марта 2021 г. премьер-министр Ё. Суга заявил о том, что

¹⁰ 王毅訪緬甸達成多項政治共識，中方決定無償提供一批新冠疫苗 // 澎湃新聞 (В ходе визита Ван И в Мьянму был достигнут политический консенсус по множеству вопросов, КНР согласилась бесплатно предоставить партию новой вакцины от коронавируса // *Пэнтай синьцзэн*. 12.01.2021. Mode of access: https://www.sohu.com/a/444064240_260616

¹¹ Большинство вооруженных этнических группировок не поддерживают военный переворот. Даже десять менее влиятельных организаций, ранее присоединившиеся к Общенациональному соглашению о перемирии, 20 февраля 2021 г. объявили об отказе вести переговоры с Нейпидо, а также о намерении способствовать свержению военного режима. При этом данные группировки в целом негативно относятся к наследию НЛД и выступают в качестве ситуативных союзников партии, особенно в вопросах изменения конституции в пользу гражданских политических сил и федерализации. См.: Fawthrop T. Myanmar's Ethnic Groups Join Together to Reject Military Rule // *The Diplomat*. 27.02.2021. Mode of access: <https://thediplomat.com/2021/02/myanmars-ethnic-groups-join-together-to-reject-military-rule/>

¹² Hartley, R. Japan's Rush to Rejuvenate Burma Relations: A Critical Reading of post-2011 Efforts to Create "New Old Friends" // *South East Asia Research*. 2018. No. 26. Vol. 4. pp. 367-415.

¹³ Nagakoshi, Y. Japan and Myanmar's Toxic Friendship // *The Diplomat*. 15.01.2020. Mode of access: <https://thediplomat.com/2020/01/japan-and-myanmars-toxic-friendship/>

¹⁴ Мьянма кокунай дзёсей ни цунтэ [О ситуации в Мьянме] / МИД Японии. 01.02.2021. [Myanma kokusai josei ni tsuite [On the situation in Myanmar] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 01.02.2021] Mode of access: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/danwa/page3_003009.html

¹⁵ Sasamori, K. Japan's Myanmar Missteps Are Damaging Its Image // *The Diplomat*. 01.03.2021. Mode of access: <https://thediplomat.com/2021/03/japans-myanmar-missteps-are-damaging-its-image/>

Япония потребовала военное правительство прекратить насилие в отношении граждан, отпустить заключенных и восстановить демократическое правительство, присоединившись к другим странам в призыве срочно восстановить демократию, однако японские оценки были достаточно мягкие по сравнению с западными¹⁶.

Инвестиции Японии в Мьянме объясняются не только сугубо экономической логикой, но и следуя из общей стратегической цели геополитической и геоэкономической конкуренции с Китаем. Япония выделяет Мьянме экономическую помощь в рамках Официальной помощи развитию (ОПР) и стремится расширять количество проектов и инвестиций, которые позволили бы создать конкурентную среду и КНР не стать доминирующей державой в экономике Мьянмы и других стран АСЕАН, а через них и во всей Восточной Азии. В частности, Япония опасается появления рычагов влияния у Китая в случае формирования ассиметричной экономической взаимозависимости, и их возможного влияния на небольшие или бедные развивающиеся страны¹⁷. Япония является одним из ключевых инвесторов в экономику Мьянмы, и объем ПИИ с 2011 по 2020 г. составил \$1,7 млрд. Помимо этого, она третий партнер по импорту и шестой по экспорту¹⁸. Как и в АСЕАН в целом, отношение общественного мнения Мьянмы к Японии является более положительным, чем к Китаю, несмотря на намного больший масштаб китайских экономических проектов и его присутствия. Опрос общественного мнения за 2018 г. в странах АСЕАН, проводимый МИД Японии, демонстрирует следующую картину: при ответе на вопрос «Какая страна в настоящее время является важным партнером?» опрошенные мьянманские респонденты ответили: 61% – Япония, 32% – США, 18% – Китай¹⁹.

Применительно к Мьянме важной целью для Китая является создание транспортных и энергетических коридоров, которые позволяли бы соединить юго-восточный Китай (провинцию Юньнань и ее столицу Куньмин) с Бенгальским заливом и давали бы выход в Индийский океан, минуя Малаккский пролив и позволяя разрешить так называемую «малаккскую дилемму». Усиление кооперации с Мьянмой и другими странами Индокитайского полуострова также должно способствовать развитию менее развитой по сравнению с прибрежными регионами

провинции Юньнань в качестве одного из промышленных центров. Одни из ключевых китайских проектов – действующие с 2013 и 2015 гг. соответственно нефте- и газопроводы из порта Чаупью в Бенгальском заливе в Куньмин. КНР с самого начала реализации Инициативы пояса и пути (ИПП) предлагала создать полномасштабный Китайско-мьянманский экономический коридор с 38 проектами, включая создание полноценной транспортной магистрали (в виде высокоскоростной железной дороги) от Куньмина до Чаупью, проект создания глубоководного порта в Чаупью и создание там специальной экономической зоны (СЭЗ). Правительство Мьянмы весьма осторожно подошло к реализации данных проектов, и, несмотря на демонстрируемое государственным советником Мьянмы Аун Сан Су Чжи при встречах с председателем КНР Си Цзиньпином радушие, только по девяти проектам согласилось на конкретные договоренности. При этом по железнодорожному проекту удалось договориться лишь о части Муза-Мандалай, а проект СЭЗ в Чаупью был существенно сокращен с \$7,2 млрд до \$1,3 млрд для того, чтобы избежать чрезмерной долговой нагрузки. При этом практическая реализация проектов задерживается²⁰.

Экономическая стратегия Японии отличается от китайской. В 2018 г. на саммите Меконг-Япония была принята Токийская стратегия, которая акцентирует внимание на многостороннем сотрудничестве в регионе Большого Меконга, создании качественной инфраструктуры и устойчивом развитии, которые являются приоритетами в реализации Индо-Тихоокеанской стратегии Японии. Для Японии сотрудничество с Мьянмой важно в контексте двухсторонних связей с Таиландом и укрепления горизонтальных связей между Мьянмой и Таиландом в рамках «треугольных» связей с Японией. Ее цель – улучшение взаимосвязанности в контексте Экономического коридора Восток-Запад и Южного экономического коридора АСЕАН²¹. Коридор Восток-Запад представляет собой проект создания зоны экономического развития вдоль 1.700-километрового маршрута, соединяющего Вьетнам с Мьянмой через Лаос и Таиланд, а через них – Южно-Китайское море с Бенгальским заливом с потенциальным выходом в Индийский океан. Первоначальный маршрут коридора пролегал до мьянманского города Мьявади (*Myawaddy*), но впо-

¹⁶ Quad Leaders to Create Working Groups // *NHK World-Japan*. March 13, 2021. Mode of access: https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/20210313_08/

¹⁷ Insisa, A.; Pugliese, G. The free and open Indo-Pacific versus the belt and road: spheres of influence and Sino-Japanese relations // *The Pacific Review*. pp. 3-4.

¹⁸ Nagakoshi, Y. Japan and Myanmar's Toxic Friendship // *The Diplomat*. January 15, 2020. Mode of access: <https://thediplomat.com/2020/01/japan-and-myanmar-toxic-friendship/>

¹⁹ 2018年、「カイトイニヨクタイニチエロントセハクセイ29ンデ ASEAN セカイ ケッカ [2018 г., «Подобные результаты опроса зарубежного общественного мнения в отношении Японии за 2017 г.»] / МИД Японии. 28.12.2018. С. 2. [2018年, «Kaigai ni okeru tainichi yoron chosa heisei 29 nendo shosai kekka» / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 28.12.2018. p. 2.] Mode of access: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000434061.pdf>

²⁰ Киреева, А.А. Морской шелковый путь XXI века: реализация в странах Юго-Восточной и Южной Азии // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. С. 609-642. [Kireeva, A.A. Morskoj shelkovyj put' XXI veka: realizacija v stranah Jugo-Vostochnoj i Juzhnoj Azii [The Maritime Silk Road for the 21st Century: Implementation in Southeast and South Asia] // Model' razvitiya sovremennogo Kitaja: ocenki, diskussii, prognozy [The Model of the Development of Contemporary China: Assessment, Discussions, Prognosis]. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2019. Pp. 609-642.]; Wallace, C. Japan's Strategic Contrast: Continuing Influence Despite Relative Power Decline in Southeast Asia // *The Pacific Review*, 2019, No. 32, Vol. 5, p. 869.

²¹ Insisa, A.; Pugliese, G. The Free and Open Indo-Pacific versus the Belt and Road: Spheres of Influence and Sino-Japanese Relations // *The Pacific Review*. Pp. 15-16.

следствии был продлен до экономического центра страны Янгона. Предполагается, что коридор будет связан со Специальной экономической зоной Тилава (*Thilawa*), которая развивается со значительным участием и ролью японского бизнеса²².

Стратегия Японии заключается в том, чтобы предоставить альтернативы для стран региона в контексте реализации Китаем ИПП, в особенности в сфере инфраструктурных проектов. Для Японии, которая уже более пяти десятилетий является одним из ключевых, если не ключевым, игроком на инфраструктурном рынке стран Азии, потенциальный успех Пояса и пути представлял бы очень большие вызовы, как с точки зрения возрастания долговой нагрузки и усиления китайского влияния, так и распространения более низких стандартов и низкого качества проектов. В рамках своей Инициативы строительства высококачественной инфраструктуры, ставшей экономической частью стратегии формирования Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства, Япония, наоборот, предлагает инфраструктуру высокого качества, основанную на высоких стандартах, не вредящую окружающей среде, с просчитанными бизнес-моделями, не ведущую к значительному росту долговой нагрузки и т.д.²³

Ключевое отличие японских экономических проектов от китайских – это направленность японских инвестиций на интеграцию Мьянмы с другими странами АСЕАН, в том числе создание горизонтальных связей на Индокитайском полуострове. Таким образом, у стран региона появятся различные альтернативы Китаю, в виде не только японских компаний, но и совместных цепочек со странами АСЕАН и западными партнерами, что в свою очередь позволит им модернизироваться, сохраняя многовекторную политику. Пояс и путь же представляется китаеццентричной инициативой, направленный на создание вертикальных связей с Китаем и структурированной вокруг потребностей КНР²⁴. Помимо этого, такие факторы, как качество проектов, прозрачность экономических моделей, вовлеченность местной рабочей силы в их реализацию, повышение квалификации местных сотрудников и трансфер технологий выгодно отличают японские проекты от китайских.

С.И. Лунев, д.и.н., профессор МГИМО МИД России, г.н.с. ИВ РАН. В Индии относят Мьянму к Южной Азии, хотя практически все другие государства считают Мьянму страной Юго-Восточной Азии. Для подобного подхода существуют исторические основания. Северо-восток Индии вошел в состав Британской Индии после первой англо-бирманской войны, а после третьей войны вся Бирма вплоть до

1937 г. вошла в состав Британской Индии. Мьянме было предложено стать членом СААРК, наряду с Афганистаном. Этого не произошло, но страна получила в 2008 г. статус наблюдателя.

Мьянма является воротами Индии в Юго-Восточную Азию, что предопределяет ее значение для азиатского гиганта, почти 30 лет проводящего политику «Смотреть на восток», преобразованную Нарендрой Моди в политику «Действовать на Востоке». Восточная Азия является главным экономическим партнером Индии, а в системе ее внешнеполитических приоритетов регион занимает центральное место.

Индия способствовала включению Мьянмы в новые экономические интеграционные группировки, появившиеся в 1990-х гг. – «Меконг – Ганг» и БИМСТЕК, которые, правда, пока неэффективны. Дели также стремится к активному развитию такого интеграционного проекта, как БКИМ (Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма), образованного для реализации отдельных совместных проектов.

В постбиполярном мире первым шагом к укреплению индийско-мьянманских экономических отношений стало подписание в 1994 г. двустороннего торгового соглашения. В 2003 г. две стороны образовали Совместный торговый комитет для увеличения торгового оборота. Мьянма стала одной из 6 держав, которые подписали в рамках ВРЭП в 2014 г. «Соглашение о свободной торговле услугами и об инвестициях» с Индией. В 2019-2020 финансовом году торговый оборот составил 1,5 млрд долларов, что правда, на 0,5 млрд долларов меньше, чем 5 лет назад (сократился, в первую очередь, индийский импорт). Индия оказывает Мьянме значительную экономическую помощь, преимущественно в виде грантов. После начала пандемии Индия поставила в Мьянму 3,7 миллиона доз вакцины, из которых два миллиона – на коммерческой основе, а остальные – в виде гранта индийского правительства²⁵.

Дели очень интересуют возможные поставки газа из Мьянмы. 20 лет назад Индия проиграла Китаю в борьбе за газопроводы, и газ пошел в КНР, но Индия не оставляет надежды на строительство трубопроводов на ее территории. На мьянманском рынке уже закрепились индийские крупнейшие газовые компании, которые запустили проект по разработке крупного газового месторождения в Бенгальском заливе.

Мьянма очень важна для Индии с точки зрения транспортно-логистических проектов для получения стабильного наземного сообщения со странами Юго-Восточной Азии. Граница двух стран проходит по горам и труднопроходимым джунглям, что создает большие проблемы для транспортировки. Индия принимает участие в создании нескольких проектов, таких как реконструкция порта Ситтве (она включает как налаживание морского пути из Калькутты в Ситтве, так и строительство различных наземных дорог, в том числе и по индийской терри-

²² Southeast Asia's Trans-regional Corridor Takes Shape // *Nikkei Asia*. 02.12.2019. Mode of access: <https://asia.nikkei.com/Business/Transportation/Southeast-Asia-s-trans-regional-corridor-takes-shape>

²³ Insisa, A.; Pugliese, G. The Free and Open Indo-Pacific versus the Belt and Road: Spheres of Influence and Sino-Japanese Relations // *The Pacific Review*, pp. 4-5.

²⁴ Ibid. Pp. 16-17; Wallace, C. Japan's Strategic Contrast: Continuing Influence Despite Relative Power Decline in Southeast Asia // *The Pacific Review*, 2019, No. 32, Vol. 5, pp. 881-884.

²⁵ Mitra, D. As Myanmar Returns to Crisis Mode, India Maintains Sanctions Are Not the Answer // *The Wire*, Feb 16, 2021. Mode of access: <https://thewire.in/south-asia/as-myanmar-returns-to-crisis-mode-india-maintains-sanctions-are-not-the-answer>

тории), создание 4-х полосной автомагистрали Индия – Мьянма – Таиланд (3200 км), которая позднее пойдет в страны Восточного Индокитая, и коридора «Каладан», который соединит индийские порты с Ситтве. В 2001 г. было открыто первое новое 160-километровое шоссе, названное «Дорогой дружбы» (и соединившей в Мьянме города Таму, Калаймио и Калева). Другие проекты не закончены из-за финансовых проблем и сложной обстановки на некоторых территориях юго-восточноазиатской страны. В феврале 2021 г. Нарендра Модри потребовал закончить работу по модернизации порта Ситтве к августу и ввести в эксплуатацию «Каладан» к концу 2024 г.

Экономическое сотрудничество затрагивает такие сферы, как сельское хозяйство, лесная промышленность, туристская сфера, информационные технологии, автомобильная, текстильная и агропромышленная промышленность. Нельзя игнорировать и желание Дели поднять экономический уровень своих северо-восточных штатов путем развития их взаимосвязей с Мьянмой.

Соперничество с Китаем является не менее важным фактором. Особенно беспокоит Дели военнотехническое сотрудничество КНР с Мьянмой, включающее поставки оружия и развитие мьянманских военно-морских сил, в частности модернизация военно-морской базы в городе Ситуэ. В Индии искренно верят в существование китайской стратегии «нити жемчуга» (которую на самом деле придумали американские политологи), в рамках которой Китай якобы создаст военные базы в Пакистане, Бангладеш, Шри Ланке, а также в Мьянме для получения контроля над акваторией Индийского океана (реальных свидетельств этому нет никаких). При этом укрепление китайско-мьянманских военнополитических связей вынуждает Индию принимать ответные меры. Они включают поставку вооружения (в 2019 г. Индия поставила Мьянме вооружение на сумму в 100 млн долларов, в 2 раза опередив Китай по данному показателю²⁶, а осенью 2020 г. поставила своему соседу подводную лодку, которыми еще не располагал ВМФ Мьянмы), проведение обучения мьянманских военнослужащих, совместных учений и антитеррористических операций, в первую очередь, против боевиков, переместившихся с северо-востока Индии на север Мьянмы. После произошедшего конфликта с китайскими пограничниками в Бутане в 2017 г. Дели увеличила военный контингент на границе с Мьянмой.

В своем соперничестве с КНР Индия пытается опереться на Японию и страны АСЕАН. Япония также выступает в Мьянме в качестве экономического конкурента Китая. Было объявлено, что Индия и Япония будут стремиться к сопряжению своих инфраструктурных проектов, в частности шоссе Индия – Мьянма – Таиланд и Экономического коридора Восток–Запад, который реализуют Япония и страны Индо-Китая. Многие страны АСЕАН также

в политических целях поддерживают желание Индии снизить зависимость Мьянмы от КНР.

Для Индии существуют и такие проблемы, как наркотрафик и незаконная миграция рохинджа. Индия расположена между двумя главными центрами производства героина – Золотым полумесяцем (Афганистан-Пакистан) и Золотым треугольником (Мьянма-Лаос-Таиланд). Главные поступления идут из Пакистана, но Мьянма считается основным поставщиком наркотиков в Манипур, Мизорам и Нагленд. Был подписан целый ряд двусторонних соглашений о борьбе с наркоугрозой, и индийские власти стали даже возводить железную ограду вдоль 400-километровой границы Мизорама с Мьянмой и части границы Манипура для борьбы с наркокурьерами, контрабандистами и незаконными мигрантами.

Дели негативно относится к последней категории (речь идет, прежде всего о рохинджа, которых в Индии насчитываются 40 тыс.), а индусские коммуналисты даже нападали на представителей данного этноса. В 2017 г. Нарендра Модри в ходе своего визита в Мьянму заявил, что рохинджа сами виноваты в своей трагедии. Индийские власти объявляют о необходимости депортировать всех незаконных мигрантов из Мьянмы (хотя в целом воздерживаются от данного шага). Это касается и последних событий. Новые беженцы в 2021 г. задерживаются, и их направляют в специальные центры с целью, как считают правозащитники, дальнейшей депортации.

Что касается реакции Индии на военный переворот, то уже через несколько часов Дели выступил с заявлением, в котором выразил «глубокую озабоченность» по поводу событий: «Индия всегда была непоколебима в своей поддержке процесса демократического перехода в Мьянме» призвал Мьянму поддерживать «верховенство закона и демократический процесс»²⁷. Через неделю в Совете Безопасности ООН Индия, как его непостоянный член, выступила против принятия резолюции, осуждающей переворот, и заявила, что могла бы выступить в качестве «важного моста» между сторонами конфликта²⁸. Индия подписала заявление, принятого на форуме четырехстороннего диалога США – Япония – Индия – Австралия о необходимости восстановления демократии в Мьянме, но не присоединилась к санкциям США и подходу Японии по резкому сокращению помощи развитию Мьянмы. Все государственные и частные компании продолжают работать в прежнем формате.

У Индии есть негативный опыт. После военного переворота в 1962 г. Дели осудила его, после чего военные Мьянмы приступили к депортации представи-

²⁷ We Believe Rule of Law and Democratic Process Must Be Upheld, Says India on Myanmar coup // *The Times of India* Feb 2, 2021. Mode of access: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/80640644.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst

²⁸ India Played a Key Role in Shaping UNSC's Position on Myanmar Coup: Sources // *The Hindustan Times*, Feb 05, 2021. Mode of access: <https://www.hindustantimes.com/world-news/india-played-a-key-role-in-shaping-uns-c-s-position-on-myanmar-coup-sources-101612503254355.html>

телей индийской диаспоры и выбрали КНР как главного партнера. Осуждение Индией в 1988 г. подавления мирной демонстрации военной хунтой, и выступление в 1992 г. в качестве соавтора резолюции ООН, критикующей нарушение прав человека в Мьянме, привели только к негативным для Дели последствиям. С 1993 г. премьер-министры Индии таких ошибок не совершают. Так, в 2007 г. Индия проигнорировала антиправительственные протесты в Мьянме. Дели постоянно повторяет, что не будет вмешиваться во внутренние дела Мьянмы.

Таким образом, Индия будет занимать крайне осторожные позиции в отношении событий в соседней стране, призывать к диалогу между конфликтующими сторонами и их примирению, избегать критики их действий. Следует также учитывать, что Дели полагает, что отношения Мьянмы с Китаем существенно укрепились при прошлом правительстве.

А.В. Куприянов, к.и.н., рук. группы Южной Азии и Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН. Политика Индии в отношении Мьянмы выстраивается в контексте долгих исторических и культурных связей двух стран и стратегического значения, которое Мьянма имеет для безопасности Индии.

В индийском общественном сознании Мьянма, сохраняющая с Индией многочисленные исторически сложившиеся культурные, религиозные, этнические связи и являющаяся домом для около 2,5 млн лиц индийского происхождения, является при этом страной, отделяющей собственно Индию как отдельную культурно-религиозную общность от стран Юго-Восточной Азии, входящих в состав Индосферы. Такое представление было закреплено в результате административной реформы 1937 г., в рамках которой Бирма, бывшая до того частью Британской Индии, но была выделена в отдельную провинцию.

Стратегическое значение Мьянмы для Индии определяется двумя факторами: 1) возможностью через территорию Мьянмы получить доступ к Северо-Востоку Индии, отделенному от основной территории страны коридором Силигури, 2) возможностью для третьей страны через территорию Мьянмы получить доступ к Бенгальскому заливу. Оба этих фактора имеют важное значение в контексте соперничества Нью-Дели и Пекина.

1) Протяженность сухопутного участка индийско-мьянманской границы составляет 1643 км. С Мьянмой граничат четыре индийских штата – Аруначал-Прадеш, Нагаленд, Манипур и Мизорам; в трех последних до недавнего времени активно действовали сепаратистские группировки, боровшиеся за расширение самоуправления малых народов региона, отличающихся от остального населения Индии по этническому, культурному, языковому и религиозному признакам, и за выход в перспективе северо-восточных штатов из состава Индии. Индийская пресса, эксперты и политики неоднократно обвиняли КНР в поддержке сепаратистских движений, оказании им информационной и разведывательной

помощи.²⁹ Боевики этих группировок, пользуясь тем, что индийско-мьянманская граница охраняется сравнительно слабо, неоднократно находили убежище на территории Мьянмы, где перестраивались и пополняли разбитые отряды.

2) Порты Мьянмы (прежде всего Ситуэ и Янгон) предоставляют Индии кратчайший доступ к северо-восточным штатам, позволяя сократить время и стоимость доставки грузов; эти же порты (плюс Чаукпью) предоставляют контролирующей их стране доступ в Бенгальский залив. Неудивительно, что участие китайского бизнеса в строительстве и реконструкции портовой инфраструктуры, которое осуществляется за счет китайских кредитов, вызывает в Нью-Дели тревогу: индийское руководство опасается, что вслед за экономическим влиянием Китай в Мьянме начнет наращивать политическое. Наибольшее беспокойство у Индии вызывает проект транспортно-экономического коридора Юньнань – Бенгальский залив, который даст Китаю выход к Индийскому океану и позволит разрешить т. н. «малаккскую дилемму», избежав необходимости везти грузы через Малаккский пролив, и обойти Андаманскую оборонительную позицию.

Степень обеспокоенности индийской стороны китайским присутствием в Мьянме хорошо демонстрирует полуанекдотическая история с Кокосовыми островами, где, по уверениям индийских экспертов и СМИ, с 1990-х гг. находилась китайская станция слежения. Несмотря на то, что в конце концов Индия официально признала отсутствие этой станции³⁰, сообщения о ней регулярно появляются в индийских СМИ до сих пор.

После того, как Индия и Мьянма получили независимость в 1947 и 1948 г. соответственно, между странами установились дружественные отношения. Так, 4 января 1948 г., в день объявления независимости Бирмы, премьер-министр Джавахарлал Неру произнес речь, в которой заявил: «В будущем, как и прежде, народ Индии будет стоять плечом к плечу с народом Бирмы, и что бы ни ждало нас в будущем, доброе или дурное, мы разделим этот груз»³¹. Однако военный переворот в Бирме 2 марта 1962 г. и последовавшие за ним гонения на индийское этническое меньшинство существенно ухудшили отношения между странами. В результате радикальных политических и экономических реформ, начатых правительством Не Вина, была национализирована собственность бизнесменов индийского происхождения, проведены чистки в административном аппарате. Мьянму покинули около 300 тыс. этнических индийцев. Дополнительным фактором ухудшения отноше-

²⁹ Bhattacharyya, R. How China's 'Aid' To Rebel Groups Sustained Northeast Insurgency // *The Quint*. 01.07.2020. Mode of access: <https://www.thequint.com/voices/opinion/northeast-india-sustained-insurgency-covert-chinese-support-weapons-supply>

³⁰ Pant, H.V. China's Naval Expansion in the Indian Ocean and India-China Rivalry // *The Asia-Pacific Journal*. Vol. 8, Issue 18, No. 4, p. 2. Mode of access: <https://apjif.org/-/Harsh-V--Pant/3353/article.pdf>

³¹ Choudhary, L.K. Indo-Myanmar Relations: Retrospect and Prospect // *India Quarterly*, 2005, Vol. 61, No. 4, p. 144.

ний стала нейтральная позиция Мьянмы во время индийско-китайской пограничной войны 1962 г., которую в Нью-Дели восприняли как демонстрацию дружественного нейтралитета в отношении КНР.

Не добавила отношениям сердечности отношениям между военным руководством Мьянмы и индийскими политическими элитами и попытка Нью-Дели вмешаться в события в соседнем государстве в 1988 г., во время «Восстания 8888»: индийское посольство тогда поддерживало активные контакты с мятежными студентами, снабжало их средствами на дорогу до индийской границы после подавления протестов, предоставило политическое убежище угонщикам самолета рейса Бангкок-Калькутта, бежавшим от преследований на родине. Индийские радиостанции вели антиправительственную пропаганду на бирманском языке, а индийская разведка оказывала материальную и финансовую помощь Качинской армии независимости и Каренскому национальному союзу. При этом Индия поддерживала Аун Сан Су Чжи, у которой сохранялись хорошие отношения с индийскими элитами с тех пор, как она училась в Индии и работала в одном из индийских аналитических центров.

Однако в середине 1990-х гг. отношения между странами начали постепенно улучшаться. Индийские элиты, осознав, что позиции военного режима достаточно крепки и что дальнейшее усиление конфронтации может привести к нарастанию проблем в северо-восточных штатах самой Индии, отказались от поддержки боевиков в Мьянме, подписав ряд двусторонних соглашений о совместной борьбе с «нелегальной и повстанческой деятельностью». Окончательно отношения нормализовались с приходом к власти «Бхаратиа Джаната парти» в 1998 г.; глава МИД в правительстве БДП Джасвант Сингх заслужил прозвище «архитектор реализма» за свой практический подход к сотрудничеству с правительством Мьянмы. Тем не менее, индийское руководство продолжало поддерживать хорошие связи с Аун Сан Су Чжи и ее сторонниками и приветствовало освобождение ее из-под домашнего ареста в 2007 г.

В последние годы наблюдается определенное разочарование в индийских политических элитах в отношении Аун Сан Су Чжи. Ее возвращение к власти не привело, как надеялись в Нью-Дели, к сворачиванию сотрудничества с КНР и хотя бы частичной переориентации на Индию; наоборот, китайский бизнес все активнее участвует в проектах в Мьянме, а многие видные функционеры «Национальной лиги за демократию» заняли прокитайскую позицию. В то же время у индийского руководства укрепились отношения с мьянманскими военными как на почве взаимной заинтересованности в борьбе с пограничными повстанческими группировками, так и из-за того, что Татмадо вынуждены вести борьбу с этническими вооруженными формированиями на севере страны, пользующимися неофициальной поддержкой КНР.

Таким образом, переворот 2021 г. поставил Нью-Дели перед сложным выбором. С одной стороны, Индии необходимо сохранять имидж «крупнейшей демократии мира» и оплота демократических сил в регионе, что не позволяет ей открыто поддержать

мьянманский военный режим. С другой – приход к власти военных объективно выгоден Индии, так как тормозит китайскую экономическую и политическую экспансию в регионе, вынуждая Пекин заново налаживать отношения с мьянманским руководством. Дополнительно осложняет ситуацию позиция США, которые прямо осудили военный режим Мьянмы, и начавшимся бегством оппозиционеров и членов их семей в Индию: выдача беженцев ослабит позиции правительства на внутривнутриполитической арене и подставит его под огонь критики со стороны оппозиции.

Стоит ожидать, что индийское руководство будет придерживаться сбалансированной линии в мьянманском вопросе, стараясь не ссориться с военным режимом с одной стороны и не поддерживая его открыто с другой, чтобы не давать повода для критики. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны: так, Нью-Дели отдал распоряжение пограничной охране не пропускать на индийскую территорию беженцев из Мьянмы; главный министр штата Мизорам отказался подчиниться приказу из центра³², что позволяет Индии продемонстрировать готовность к сотрудничеству с военным режимом Мьянмы и в то же время продолжать прием беженцев. Показательны также итоги последнего саммита Quad: невзирая на жесткую американскую позицию, в совместном заявлении отсутствуют прямые обвинения в адрес военного руководства Мьянмы и содержится лишь общие пожелания на тему восстановления демократии, что, по всей видимости, стало результатом совместных действий Индии и Японии³³.

А.А. Симония, к.э.н. в.н.с. Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН. Проведенная 1 февраля 2021 г. армейская операция по захвату власти в Мьянме, или классический военный переворот, отбросила страну, по крайней мере, на 25 лет назад. Вспомним конец 1980-х, начало и середину 1990-х годов: многочисленные жертвы среди гражданского населения во время протестных выступлений весны-лета 1988 г., арест лидеров созданной в том же году Национальной лиги за демократию (НЛД) – Аун Сан Су Чжи, ее соратников, а также сотен участников протестного движения. Далее военный режим объявил о введении многопартийной системы и проведении свободных выборов. Однако потерпев поражение на всеобщих выборах 1990 г., военное руководство не признало победу НЛД. Все это привело сначала к военному эмбарго, а затем к широкомасштабным экономическим санкциям со стороны стран Запада.

Сейчас повторяется тот же сценарий: военные получили приказ использовать боевое оружие – жертв уже больше, чем во время «шафрановой революции» 2007 г. (на март 2021 г. 167 человек). Гражданское ру-

³² Kalita, J. Why Tiny Indian State Of Mizoram Is 'Openly Defying' Modi Govt's Diktat On Myanmar Issue // *The Eurasian Times*. 22.03.2021. Mode of access: <https://eurasiatimes.com/why-tiny-indian-state-of-mizoram-is-openly-defying-modi-govts-diktat-on-myanmar-issue/>

³³ Sahoo, N., Ichihara, M. The Quad Can End the Crisis in Myanmar // *Foreign Policy*. 19.03.2021. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2021/03/19/quad-myanmar-crisis-protests-india-japan-tatmadaw/>

ководство страны смещено и содержится под арестом. Против лидеров страны – президента и госсоветника сначала выдвигались смехотворные обвинения, типа «незаконное приобретение и использование средств радиосвязи» и «нарушение режима локдауна во время пандемии». Затем последовали более серьезные обвинения в коррупции, предполагающие длительные сроки тюремного заключения. Это приведет к тому, что никто из осужденных лидеров НЛД, а главное сама Аун Сан Су Чжи, не смогут участвовать в выборах.

Таким образом повторится сценарий безальтернативных выборов 2010 г., победит Союзная партия солидарности и развития (СПСР), на самом деле не самостоятельная и неспособная одержать победу в парламенте без поддержки армии. В соответствии с конституцией 2008 г., полученное большинство мест в парламенте членами СПСР позволит представителю генералитета стать президентом.

Повторяется и сценарий с введением международных санкций. Вспомним, сколько времени потребовалось, а главное, на какие уступки пошли военные для того, чтобы они были сняты. Квазигражданское правительство президента Тейн Сейна (генерал-лейтенанта в отставке – бывшего человека № 4 в военной хунте) стало самым прогрессивным и самым революционным в новейшей истории Бирмы/Мьянмы, а сам бывший генерал получил известность как *президент-реформатор*. Правительство даже пошло на решение заморозить грандиозные китайские гидропроекты на севере страны, якобы из-за протестов местного населения и «зеленых». Принято считать, что санкции не были эффективными и очень действенными, тем не менее военные хотели вернуть свою страну в мировое сообщество в качестве равноправного партнера, ради этого они и выполнили все требования Запада.

В феврале 2021 года санкции снова введены, и постоянно ужесточаются. США заморозили активы, принадлежащие частным лицам и компаниям Мьянмы на 1 млрд долларов. Помимо частных лиц в санкционный список США включены два силовых ведомства Мьянмы – министерство обороны и министерство внутренних дел, а также две контролируемые военными экономические корпорации – Myanmar Economic Holding Ltd (MEHL) и Myanmar Economic Corporation (MEC), задействованные во всех сферах экономики – от горнодобывающей и легкой промышленности до телекоммуникаций, гостиничного и банковского бизнеса. О приостановке сотрудничества уже объявили некоторые международные финансовые организации, в частности, Азиатский банк развития.

Новая военная администрация провела грандиозную чистку с арестами среди руководства и штата сотрудников Центрального банка Мьянмы (ЦБМ). Негативная реакция Японии на эти действия новой военной администрации была закономерной. Когда Мьянма открылась миру и стала снимать свои финансовые барьеры на международных рынках, именно Банк Японии (*Bank of Japan*) оказывал содействие в обучении персонала ЦБМ и предоставил жизненно важную в тот момент необходимую техническую помощь. Именно Банк Японии и другие японские структуры осуществляли значительное содействие Мьянме

в модернизации ее рыночной инфраструктуры и вовлечении Мьянмы в глобальную матрицу валютных свопов. Арест руководства ЦБМ можно рассматривать как атаку на саму суть 10-летнего проекта модернизации экономики Мьянмы. Япония пока, как и после событий 1988 г., не ввела никаких официальных санкций в отношении Мьянмы в связи с государственным переворотом 2021 г., в очередной раз вырвавшись из кильватера внешней политики США. Япония также использовала свои военные связи, чтобы связаться с новой хунтой раньше крупных западных стран. Она, как всегда, стремится найти баланс между демократическими идеалами и своими традиционными связями с военными Мьянмы, которых изоляция от мирового сообщества может бросить в крепкие китайские объятия. В то же время на фоне растущего глобального возмущения по поводу военного переворота Япония рассматривает возможность прекращения новой официальной помощи развитию Мьянмы в обозримом будущем, исключая меры, которые могли бы повлиять на широкие слои населения.

Арест советника правительства НЛД и лично Аун Сан Су Чжи по экономической и финансовой политике австралийского экономиста Шона Тёрнелла является, по-видимому, еще одним звеном «финансового расследования» военной администрации в готовящемся деле о коррупции. Сразу же после объявления властями Мьянмы о предстоящем судебном иске против австралийского экономиста в связи с «секретной государственной финансовой информацией», Австралия объявила, что приостанавливает всю экономическую помощь Мьянме и оборонное сотрудничество.

Мьянма, как ни одна другая страна, могла бы выиграть от международных инвестиций, торговли и открытой экономики. Однако неслыханная атака на финансовый сектор страны может лишить ее этой возможности в ближайшие годы. Действия по модернизации экономики, как и доверие инвесторов сведены на нет, похоже, что генералы решили заморозить финансовую модернизацию. Прогнозы международных экспертов, что ВВП Мьянмы в 2030 г. составит 200 млрд долл. теперь вряд ли осуществимы. Под угрозой находятся и международные отношения, которые Нейпидо удалось установить за последние 10 лет. Наиболее яркий пример – действия Австралии в связи с арестом ее гражданина.

Материал к публикации подготовлен
А.Д. Воскресенским

Prepared for publication by Alexei D. Voskressenski

Литература:

Киреева А.А. Морской шелковый путь XXI века: реализация в странах Юго-Восточной и Южной Азии // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. С. 609-642.

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019.

Choudhary, L.K. Indo-Myanmar Relations: Retrospect and Prospect // *India Quarterly*, 2005, Vol. 61, No. 4.

Hartley, R. Japan's Rush to Rejuvenate Burma Relations: A Critical Reading of post-2011 Efforts to Create "New Old Friends" // *South East Asia Research*. 2018. No. 26. Vol. 4. pp. 367-415.

Pant, H.V. China's Naval Expansion in the Indian Ocean and India-China Rivalry // *The Asia-Pacific Journal*. Vol. 8, Issue 18, No. 4.

Wallace, C. Japan's Strategic Contrast: Continuing Influence Despite Relative Power Decline in Southeast Asia // *The Pacific Review*, 2019, No. 32, Vol. 5.

References:

Choudhary, L.K. Indo-Myanmar Relations: Retrospect and Prospect // *India Quarterly*, 2005, Vol. 61, No. 4.

Hartley, R. Japan's Rush to Rejuvenate Burma Relations: A Critical Reading of post-2011 Efforts to Create "New Old Friends" // *South East Asia Research*. 2018. No. 26. Vol. 4. pp. 367-415.

Kireeva, A.A. Morskoy shelkovyy put' XXI veka: realizatsiya v stranah Jugo-Vostochnoy i Juzhnoy Azii [The Maritime Silk Road for the 21st Century: Implementation in Southeast and South Asia] // *Model' razvitiya sovremennogo Kitaja: ochenki, diskussii, prognozy* [The Model of the Development of Contemporary China: Assessment, Discussions, Prognosis]. Ed. by Alexei D. Voskressensk. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2019. Pp. 609-642.

Model' razvitiya sovremennogo Kitaja: ochenki, diskussii, prognozy [The Model of the Development of Contemporary China: Assessment, Discussions, Prognosis]. Ed. by Alexei D. Voskressensk. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2019.

Pant, H.V. China's Naval Expansion in the Indian Ocean and India-China Rivalry // *The Asia-Pacific Journal*. Vol. 8, Issue 18, No. 4.

Wallace, C. Japan's Strategic Contrast: Continuing Influence Despite Relative Power Decline in Southeast Asia // *The Pacific Review*, 2019, No. 32, Vol. 5.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10046

EVENTS IN MYANMAR IN THE CONTEXT OF RELATIONSHIP OF GREAT POWERS IN THE REGION

Edited by Alexei D. Voskressenski

Roundtable of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects and the ASEAN Center at MGIMO

Article history:	Abstract: The publication represents a journal version of scientific and analytical material of the round table of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, and the ASEAN Center, MGIMO University. Research associates of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, the Institute of Far Eastern Studies RAS, Primakov Institute of International Economic and International Studies RAS, the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, Ministry for Foreign Affairs of the RF, peoples Friendship University, Society of Friendship and Cooperation with the Republic of Myanmar, Russian Council of International Affairs, the PIR-Center, etc. took part in the discussion and the preparation of the materials. Issues of the reasons and possible effects of a political overturn in Myanmar of 01.02.2021 for the political, military-political, social, and economic development of the country were revealed, lines of splits in the Myanmar society are analyzed, the possibility of impact of society on the state is explained. Interests of China, India, Japan, the USA, the ASEAN countries are considered, the role of events of Myanmar in the regional system of relationship and East, Southeast, and Southern Asia is analyzed. The role of other significant players in the region, and also the value of events in Myanmar for Russia are discussed.
Received:	
	20.03.2021
Accepted:	
	07.06.2021
e-mail: sravitpolit@mail.ru	
Key words:	
Myanmar; political overturn;	
China; the USA; India; Japan; ASEAN;	
regional system of international relations	

Для цитирования: События в Мьянме в контексте взаимоотношений крупных держав в регионе (круглый стол Центра комплексного китайоведения и региональных проектов и Центра АСЕАН МГИМО) / Под ред. А.Д. Воскресенского // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 143-156.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10046

For citation: Sobytiya v M'yanme v kontekste vzaimootnosheniy krupnykh derzhav v regione (kruglyy stol Tsentra kompleksnogo kitayevedeniya i regional'nykh proyektov i Tsentra ASEAN MGIMO) (Events in Myanmar in the Context of Relationship of Great Powers in the Region (Roundtable of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects and the ASEAN Center at MGIMO)). Ed. by Alexei D. Voskressenski // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 143-156.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10046